

ГЛАВА XI.

Парканы. Болгары. Образъ жизни. Пчельникъ. Скандалъ. Тирасполь. Долина Днѣстра. Виноградники. Маяки. Торговля. Старообрядцы. Чумаки. Сова. Разказъ его о табакѣ. Каналь. Овидіополь. Переправа черезъ Лиманъ на дубкѣ. Штормъ. Аккерманъ. Мѣщане. Древности. Суровцовъ. Бани. Шаба. Колонисты. Винодѣліе. Саранча. Шабалать.

Между Бендерами и Тирасполемъ, на берегу Днѣстра, лежитъ большая болгарская колонія, Парканы, почти утонувшая въ густой зелени деревьевъ. Это, впрочемъ, необходимая принадлежность каждой колоніи на югѣ, даже тамъ, гдѣ туземцы убѣждены въ невозможности разводить деревья. Въ Парканахъ, кромѣ бѣлыхъ акацій, растущихъ по улицамъ, у многихъ болгаръ встрѣчаются большіе сады, изобилующіе разнообразными плодами. Болгары же преимущественно занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ, и между ними я видѣлъ мало бѣдняковъ, что, конечно, и неудивительно въ быту колонистовъ, пользовавшихся значительными льготами. Въ особенности Парканы могутъ понравиться, если прожить въ нихъ нѣсколько сутокъ между радушными и привѣтливыми жителями. Квартира моя была на большой поперечной улицѣ, у зажиточнаго болгара, и отличалась, кромѣ чистоты, роскошью нѣкотораго рода. Конечно, по достаточности моего хозяина невозможно судить обо всѣхъ колонистахъ, но я заходилъ въ нѣсколько десятковъ избъ и вездѣ видѣлъ и опрятность, и довольство, и замѣчательное трудолюбіе, съ какимъ всѣ члены семейства предавались какому нибудь занятію. По вечерамъ все населеніе высыпало на улицу, дѣти играли, молодежь пѣла пѣсни, старики бесѣдовали, сидя у воротъ группами. Національный костюмъ сохраняется только у женщинъ, а мужчины болѣе примѣняются къ мѣстности, но языкъ остался нетронутымъ, хотя колонисты и говорятъ какъ по малорусски, такъ и по молдавски. Сколько я слышалъ, странствуя по нашему крайнему югу, болгары народъ честный и дѣятельный, и, хоть

пребываніе мое въ Парканахъ было кратковременно, однако же я имѣлъ случай видѣть на опытѣ справедливость этого мнѣнія. Типъ колонистовъ почти славянскій, разумѣется, южно-славянскій, но въ ихъ обычаяхъ или лучше сказать въ приемахъ есть что-то азіатское — наслѣдіе вынесенное изъ-подъ турецкаго гнета, неуспѣвшее исчезнуть, даже и въ теченіе долговременнаго пребыванія болгаръ-колонистовъ въ Россіи. Женщины, хотя и не ведутъ затворнической жизни, хотя, повидимому, пользуются совершенной свободой, однако, избѣгаютъ всякихъ разговоровъ съ посторонними мужчинами, не говоря о пріѣзжихъ, но и съ туземцами. Чистота нравовъ, должно быть, у нихъ въ высшей степени строгая, а въ отношеніи молодежи я не замѣтилъ ни малѣйшаго слѣда того безцеремоннаго обращенія, которое такъ нормально въ деревняхъ и русскихъ, и украинскихъ.

За деревней къ Днѣстру тянутся болгарскіе сады и тутъ же между ними есть поемные луга, изъ которыхъ иные отгорожены для сѣнокоса, а другіе оставлены для пастбища. Черезъ это мѣсто проходитъ почтовая дорога изъ Тирасполя въ Бендеры, значительно возвышенная и съ нѣсколькими мостами на случай днѣстровскихъ разливовъ, случающихся иногда и не въ урочное время. Я любилъ ходить въ эту сторону и, блуждая между садами, не разъ попадалъ на группы пастуховъ и пастушекъ, которые, пріютившись подъ развѣсистымъ деревомъ или подъ высокимъ пролетомъ дорожнаго моста, пѣли пѣсни или занимались какой нибудь работой. Разумѣется, послѣднее относится къ дѣвушкамъ, потому что парни вообще не знаютъ нигдѣ никакого рукодѣлія. По полчаса и больше случалось мнѣ сидѣть незамѣченнымъ, но я не видѣлъ ни разу нетолько сцены нескромнаго обращенія, но даже свободныхъ жестовъ, могущихъ навести на мысль эротическаго содержанія. Между тѣмъ молодые люди и дѣвушки сидѣли близко другъ отъ друга, болтали, смѣялись, хотя, къ сожалѣнію, я не могъ понимать ихъ разговоровъ, не зная по болгарски.

Дочь моего хозяина, миловидная дѣвочка, умѣющая объясняться по малорусски, видимо избѣгала разговоровъ со мною, особенно если не было матери, да и въ присутствіи послѣдней старалась не смотрѣть мнѣ прямо въ глаза и какъ бы выискивала предлогъ удалиться.

Изъ одного случая я убѣдился, что общественное мнѣніе парканцевъ строго преслѣдуетъ такъ называемое легкое поведеніе и что болгары, а въ особенности болгарки, отнюдь не сквозь пальцы смотрятъ на легкіе грѣшки, даже и самаго

невиннаго свойства. Передъ отъѣздомъ уже изъ колоніи я узналъ, что нѣкоторые болгаре съ любовью занимаются пчеловодствомъ и упросилъ одного зажиточнаго колониста свести меня на его пчельникъ. Это было въ іюнѣ, когда я подымался вверхъ по Днѣстру и пчелы по обыкновенію находились въ полѣ между хлѣбовъ на значительномъ разстояніи отъ деревни. Болгаръ заинтересовалъ меня рассказами о красотѣ мѣстности, о великолѣпной жатвѣ и объ охотѣ, такъ что я положилъ себѣ въ сумку разныхъ запасовъ на цѣлый день, располагая пробить въ полѣ до вечера. Мы отправились не пѣшкомъ, какъ я думалъ, а поѣхали на телѣгѣ и по разнымъ извилистымъ дорожкамъ прибыли въ широкую долину, исколесивъ болѣе десяти верстъ по отлично воздѣланнымъ участкамъ, покрытымъ высокими и пышными хлѣбами. Болгарскіе пчельники то же, что лѣтомъ и въ Малороссіи, гдѣ обыкновенно во время цвѣтенія травъ вывозятъ пчелъ въ поля, наблюдая притомъ, чтобы по сосѣдству была гречиха. Тѣ же небольшіе допотопные ульи, также сверху прикрыты частью корой, частью глиняными мисками и съ тою только разницею, что тутъ же были посѣяны дыни и арбузы, чего въ Малороссіи не встрѣчается, потому что малорусъ считаетъ *паську* (пчельникъ) чѣмъ-то священнымъ. Болгаринъ, которому ввѣрено было смотрѣніе за пчелами, бодрый старикъ, лѣтъ около шестидесяти, повидимому зналъ свое дѣло, потому что безъ церемоніи обращался съ ульями, переворачивалъ ихъ, показывая мнѣ ихъ устройство, и вообще обнаруживалъ короткое знакомство съ не весьма безопасными насѣкомыми. Потчивали меня сыромъ, сотами, ѣздилъ я потомъ съ хозяиномъ къ Днѣстру, гдѣ на привольѣ хотѣлось поохотиться, опять возвращались на пчельникъ — такъ что въ Парканы попалъ я только передъ вечеромъ. По всей улицѣ возлѣ моей квартиры стояли кучки колонистовъ, преимущественно женщинъ, что сперва я принялъ за обыкновенныя вечернія сходки, но говоръ показался громче обыкновеннаго. Въ домѣ однако же никого не было, исключая дѣвочки лѣтъ десяти, которая говорила только по болгарски, и мнѣ пришлось подождать возвращеніе хозяевъ. Выйдя за ворота, я видѣлъ — какъ болгарки перебѣгали изъ одной кучки въ другую и, разводя руками, говорили съ увлеченіемъ, но, несмотря на все любопытство, я не могъ узнать причины этого оживленнаго митинга. Хозяйка моя тоже, въ свою очередь, жестикулировала не менѣе прочихъ, и въ голосѣ ея слышались рѣзкія ноты, которыхъ я не замѣ-

чалъ прежде. Слуга мой не зналъ ничего и какъ онъ по своей флегматичной натурѣ не былъ любопытенъ, то и не обращалъ вниманія на происходившее на улицѣ.

— О чемъ это они спорятъ? спросилъ я у него, когда онъ вынесъ самоваръ въ сѣни.

— А дідько (діаволь) ихъ зна, отвѣтилъ онъ со своей добродушной улыбкой: *джеркотятъ* (тараторятъ) по своему, такъ що нічого й невторопашъ (не поймешь).

— Да вѣдь это, вѣроятно, давно происходитъ?

— Давненько; я думавъ, що вони будутъ бытця, та й собі вызыравъ (высматривалъ) на ворота, ажъ тільки жіноцьки сварки (ссоры).

Самоваръ уже давно закипѣлъ, и я сдѣлалъ себѣ чая—какъ хозяйка возвратилась съ митинга. Дверь моей хаты была отворена, и я замѣтилъ на лицѣ болгарки явственное неудовольствіе.

— Хозяюшка, войдите — чайку попьемъ.

— Спасибо драгій, у меня точно горло пересохло — промочить не мѣшаетъ.

— Садитесь же.

Хозяйка вошла, и вся фізіономія ея приняла обычную привѣтливость.

— Ну что, какъ ѣздили? понравилось у насъ въ полѣ?

— Славныя ваши поля, хозяйюшка, и пчельники богатые.

— Посмотрѣли бы вы—какіе были прежде!

Болгарка махнула рукою.

— Теперь все не то, драгій, продолжала она:—да и люди стали совсѣмъ другіе.

— Конечно, другіе, подхватилъ я, предчувствуя, что старуха сама разговорится о необыкновенномъ сборищѣ.

Ожиданіе меня не обмануло.

— А у насъ вышелъ такой случай, такой скверный случай!

— Что такое, хозяйюшка?

— Не знаю какъ и сказать... Еслибъ это вышло тамъ, въ Болградѣ, я не знаю...

— Вѣроятно воровство какое нибудь?

— Хуже. Есть у насъ одна молодая женщина, недурная собой...

Хозяйка остановилась.

— Ну?

— Ну, мужъ въ отлучкѣ, и она до сихъ поръ вела себя честно.

— А теперь?

— Должно быть спозналась съ какимъ-то солдатомъ въ Бендерахъ. Намъ и не вдомекъ, что, есть ли нужда, вѣтъ ли, она каждый день ходитъ на рынокъ.

— Это еще не бѣда — мало ли у кого надобностей.

— Не говорите этого! Сегодня видѣли, какъ солдатъ провожалъ ее черезъ паромъ... И представьте — въ кустахъ онъ поцѣловалъ ее!

Хозяйка вскочила съ мѣста. Я хотѣлъ уже замѣтить, что это еще небольшая важность, но болгарка продолжала:

— Посторонній поцѣловалъ замужнюю женщину!

— А можетъ быть это напраслина?

— Кто же станетъ лгать въ такомъ важномъ дѣлѣ?

И болгарка пустилась при этомъ доказывать, что нравы у нихъ начинаютъ портиться, что молодежь склонна забывать дѣдовскіе обычаи и т. п.

Возвратившійся хозяинъ однако же разъяснилъ дѣло и сказалъ, что дѣйствительно нельзя судить о виновности молодой женщины, потому что вѣсть пущена въ ходъ ея не пріятельницей и что, кромѣ послѣдней, никто не видѣлъ зловреднаго поцѣлуя. Старикъ прибавилъ, что стыдъ и грѣхъ обвинять христіанскую душу по одному подозрѣнію и что всѣ благоразумные рѣшили ожидать болѣе положительныхъ данныхъ. Хозяйка однако же не соглашалась на мнѣніе благоразумныхъ и рассказала при этомъ нѣсколько преданій, занесенныхъ изъ Болгаріи, гдѣ подобныя вещи не проходятъ даромъ.

Воровство у болгаръ тоже считается однимъ изъ тяжелыхъ пороковъ, и вообще племя это, какъ говорятъ сосѣди, ведетъ себя спокойно и добросовѣстно.

На лѣвомъ же берегу Днѣстра, дѣлающаго здѣсь невѣроятные зигзаги, стоитъ Тирасполь, уѣздный городъ Херсонской губерніи. Замѣчательнаго въ немъ ничего нѣтъ, кромѣ развѣ того, что вездѣ встрѣчаете великорусскій говоръ и такой же костюмъ какъ мужской, такъ и женскій. Въ Тирасполѣ живетъ много старообрядцевъ. Я уже имѣлъ случай говорить, что народъ этотъ нигдѣ не теряетъ своей національности и сохраняетъ до малѣйшей подробности не только старинные нравы и обычаи, но и самыя формы какъ хозяйственныхъ орудій, такъ и домашней утвари. Даже красивые по наруж-

ности домики не содержатся съ молдавскою или малорусскою чистотою, и клопы и тараканы составляютъ необходимую ихъ принадлежность. Типъ этихъ старовѣровъ очень красивый; особенно хороши у нихъ женщины, довольно смугловатыя отъ южнаго солнца, но съ очень тонкими и правильными чертами. Замкнутость и необщительность старообрядцевъ извѣстны, и потому быть ихъ остается для проѣзжаго наблюдателя загадкой. Тираспольскіе старообрядцы занимаются земледѣліемъ, садоводствомъ, торговлей, извозомъ и состоятъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ со своими единовѣрцами, обитающими не только въ новороссійскомъ краѣ и вообще въ имперіи, но и за границую. Въ Тирасполѣ есть еврейская гостиница, въ которой я останавливался, и мишурисъ, очень ловкій и плутоватый малый, передавалъ мнѣ свои замѣтки о старообрядцахъ. Разказы эти однако же относились болѣе къ свободнымъ правамъ женщинъ. Дѣйствительно у раскольниковъ многихъ сектъ на поведеніе дѣвушекъ не обращаютъ никакого вниманія, которыя, въ особенности на проѣзжихъ трактахъ, не могутъ похвалиться недоступностью и не выказываютъ фанатической нетерпимости. Слыхалъ я еще въ Хотинѣ о здѣшнихъ старовѣрахъ, мнѣ даже именовали одного, нѣсколько образованнаго, къ которому совѣтовали обратиться съ разспросами, конечно, скромными; но, къ сожалѣнію, онъ былъ въ отсутствіи. Мишурисъ мнѣ сообщилъ, впрочемъ, что болѣе подробныя свѣдѣнія можно пріобрѣсти въ м. Маякахъ и еще въ одномъ селеніи верстахъ въ тридцати отъ Тирасполя, такъ какъ тамошніе раскольники гораздо проще городскихъ, привыкшихъ къ постоянной осторожности. Всѣ проѣзжающіе ингородные старообрядцы обыкновенно появляются и исчезаютъ по ночамъ, посѣщаютъ больше уединенные хутора своихъ единовѣрцевъ, избѣгая такимъ образомъ столкновенія съ посторонними.

Упраздненная тираспольская крѣпость представляетъ мало интереса, да и самъ городишко вообще чрезвычайно скученъ, несмотря ни на проѣзжій трактъ, ни на положеніе свое надъ судоходною рѣкою. Днѣстръ достигаетъ здѣсь значительной глубины и не представляетъ никакихъ затрудненій, но въ описываемое время пароходы еще не ходили, а только сдѣлана была попытка. Впрочемъ, носилась молва, что черноморская компанія собиралась приступить къ открытію сообщеній по Днѣстру, но не знаю—что мѣшало исполненію этого намѣренія. По крайней мѣрѣ отсюда плаваніе не подвержено случайностямъ,

тѣмъ болѣе, что фарватеръ вездѣ постоянно глубокий, а если есть корчаги, то о подобномъ препятствіи стыдно и говорить въ наше время. Лодки однако же и здѣсь такія же неуклюжія, какъ и на верхнемъ Днѣстрѣ, что даетъ поводъ предполагать объ отсутствіи малѣйшей любви къ водѣ въ мѣстныхъ береговыхъ жителяхъ. И дѣйствительно поднѣстровцы не обнаруживаютъ не только особенной, но и никакой склонности къ судоходству, въ чемъ я имѣлъ возможность убѣдиться, слѣдуя по берегамъ этой рѣки отъ самой австрійской границы.

Долина рѣки здѣсь постепенно расширяется и представляетъ до самаго лимана пространство, покрытое сплошною богатою растительностью, съ правой стороны окаймленное высокими и порой каменистыми горами, съ лѣвой небольшою возвышенностью, которая однако же ближе къ устью подымается постепенно, такъ что, подходя къ морю, лиманскіе берега мѣняются ролью — аккерманскій становится ниже овидіопольскаго. Отъ Тирасполя и Бендеръ, протекая густыми лѣсами съ замѣчательною быстротою, многоводный Днѣстръ покрытъ уже галерами, слѣдующими внизъ и поднимающимися бечевою вверхъ, а также несетъ плоты, предназначенные для потребленія Одессы — этому счастливому городу, поглощающему продукты береговъ Днѣпра, Днѣстра и Буга. По обѣимъ сторонамъ лежатъ, если не богатые, то необыкновенно живописныя деревни, особенно по берегу бессарабскому. Много красоты придають молдавскимъ хатамъ виноградники, которые въ пору созрѣванія винограда кажутся для постороннихъ чѣмъ-то волшебнымъ. По этой мѣстности вообще лозу оставляютъ на свободѣ, не обрѣзываютъ и она растетъ себѣ безпрепятственно, а потому и видъ на виноградникъ, униженный синими и бѣлыми кистями, которыя висятъ между широкимъ листомъ, гораздо привлекательнѣе нежели тамъ, гдѣ принято обрѣзывать кустарники не выше какъ на аршинъ отъ почвы.

Слѣдуя правымъ берегомъ Днѣстра отъ Бендеръ, вы проѣзжаете по молдавскимъ деревнямъ, густо населеннымъ, но довольство у жителей встрѣчаете только у крестьянъ государственныхыхъ, тогда какъ помѣщичьи, особенно же монастырскіе, всю жизнь свою работали только для удовлетворенія необходимыхъ потребностей и, кромѣ того, подчинены были довольно суровой дисциплинѣ владѣльческой администраціи. Въ первыхъ главахъ моей «Поѣздки по Днѣстру» я достаточно познакомилъ читателя съ бытомъ бессарабскаго царанина, а въ по-

слѣдней главѣ нельзя не повторить, что этотъ быть настоятельно требуетъ улучшения и облегченія.

Вся эта полоса изобилуетъ виноградомъ, и каждый зажиточный хозяинъ непременно давить вино, если не для продажи, то для собственнаго употребленія. Винодѣліе и уходъ за виноградными садами встрѣчаются лишь въ одномъ мѣстѣ у колонистовъ, о чемъ будетъ сказано ниже, но у молдаванъ все это дѣлается еще по ноеву способу. Когда послѣдній разъ, осенью, проѣзжалъ я по низовьямъ Днѣстра, во всѣхъ деревняхъ давили вино и подгулявшіе немного молдаване расхаживали по улицамъ съ бутылками въ рукахъ, усердно потчужа каждаго встрѣчнаго. Молдавское вино, въ особенности молодое, имѣетъ весьма мало крѣпости, просто вродѣ рѣзкаго кваса и, чтобы охмѣлѣть отъ него, необходимо выпить большое количество. Виноградъ, по мѣстному *пуама*, имѣетъ нѣсколько видовъ:

Пуама куарно—большой длинный темнаго цвѣта.

Пуама тивда—большой круглый.

Пуама фати—небольшой бѣлый и сладкій.

Пуама мушкатъ—мускатный.

Пуама пассерьяна—небольшой бѣлый.

Пуама іенуле—мелкій синій.

Пуама ди цариградъ—зеленый твердый.

Въ деревняхъ во время урожая купить винограда нельзя: хозяинъ сада не беретъ денегъ, а предлагаетъ проѣзжему вѣсть сколько угодно даромъ. Любопытно смотрѣть иногда на дѣтей, какъ они ухитряются добывать виноградъ и дѣлаютъ нашествіе на сады, плохо оберегаемые. Разумѣется, дѣтямъ даютъ виноградъ какъ садовладѣльцы, такъ и родители, и я не понималъ—зачѣмъ юное поколѣніе прибѣгаетъ къ воровству, пока не убѣдился лично—съ какой цѣлью это дѣлалось.

Въ одинъ изъ праздниковъ, когда послѣ обѣда деревенское населеніе засыпаетъ часа на два, на три, я бродилъ съ ружьемъ по прибрежному лѣсу. У крайней избы, въ сарайчикѣ, мнѣ послышался дѣтскій говоръ, обличавшій порядочное собраніе; я заглянулъ и увидѣлъ, что десятка два мальчиковъ и дѣвочекъ давили вино и тутъ же пили его разными припасенными сосудами.

Изъ замѣчательныхъ мѣстъ до лимана можно назвать мѣстечко Маяки, лежащее на лѣвомъ берегу Днѣстра, какъ главный пунктъ всей днѣстровской торговли, то есть главный складъ лѣса и хлѣба, приходящихъ сверху плотами и на га-

лерахъ. Отсюда всѣ эти матеріалы идутъ сухимъ путемъ въ Одессу, и потому незначительное мѣстечко во время навигаціи кипитъ усиленнымъ движеніемъ. Отъ Маякъ до Одессы дорога буквально загромождена чумаками, которые берутъ за провозъ значительную плату, и бываютъ времена, что по нѣскольکو верстѣ тянутся сплошные обозы съ хлѣбомъ, бревнами и дровами.

Мѣстечко расположено на крутой возвышенности, а товары сваливаются на берегу подъ открытымъ небомъ. Несмотря на значительные склады хлѣба, здѣсь не построено магазиновъ и зерно, за неимѣніемъ мѣста для выгрузки, остается иногда очень долго на галерахъ, вслѣдствіе чего портится и прорастаетъ. Населеніе преимущественно состоитъ изъ старообрядцевъ, которые выстроили хорошенькіе домики и занимаются торговлей и земледѣліемъ. Я посѣщаль Маяки уже въ послѣднее время, когда прекращались гоненія на старообрядцевъ, и потому народъ какъ-то съ меньшей боязнью смотрѣлъ на пріѣзжаго не торговаго человѣка. Я жилъ у достаточнаго человѣка, который, узнавъ, что мое порученіе не служебное, а собственно относится къ судоходству, не только не дичился меня, а напротивъ приходилъ бесѣдовать и рассказывалъ охотно разные эпизоды изъ своихъ торговыхъ путешествій. Человѣкъ онъ былъ умный и совсѣмъ не фанатикъ, но еще страннѣе, что женщины въ его семействѣ не обнаруживали крайней нетерпимости. Послѣ первой же встрѣчи, когда хозяйка, ласково привѣтствовалавъ меня, ввела въ хорошо убранную комнату, передній уголъ которой уставленъ былъ древними иконами въ богатыхъ окладахъ, я почувствовалъ себя какъ-то неловко при мысли, что мнѣ придется выбирать одно изъ двухъ: или отказаться отъ сигары, или причинить добрымъ людямъ неудовольствіе. Я рѣшилъ высказаться по этому случаю, припоминая разные сцены изъ своихъ столкновеній съ раскольниками.

— Хозяюшка, началъ я: — надо признаться, что я не могу обойтись безъ одного зелья.

— Небось, я не знаю: да теперь младъ-ребенокъ и тотъ крутитъ папирску.

— Значитъ вы не будете сердиться?

— Вотъ что, батюшка, сдѣлай милость, когда закуришь табакъ, открой окна, пусть дымъ уходитъ на улицу.

Въ это время вошелъ хозяинъ и посмотрѣлъ попеременно на жену и на меня своими умными глазами.

— О табакѣ что-ль? спросилъ онъ.

— Да, вотъ я признавался хозяйшкѣ.

— Курите на здоровье! Мы вѣдь живемъ вблизи Одессы, не то что въ захолустьи. Еслибы здѣсь наблюдать, такъ, пожалуй, надо бы и отказаться отъ торговли.

Однако, когда первый разъ я вышелъ изъ квартиры побродить по мѣстечку и потомъ возвратился къ чаю, иконы въ моей комнатѣ были плотно закутаны кисеей, конечно, отъ табачнаго дыма.

Улица ведущая по одесской дорогѣ къ Днѣстру почти вся занята трактирными заведеніями, а у самаго спуска расположенъ незатѣйливый базаръ, на которомъ однако же торговли продаютъ всевозможные сѣстные припасы, потребные простолюдину. Цѣлый день, съ утра и до вечера, толпится здѣсь народъ, главная дѣятельность котораго на берегу при выгрузкѣ галеръ, гдѣ поминутно подъѣзжаютъ фуры къ огромнымъ кучамъ хлѣба, наваленнаго на рогожи. Тутъ же разбираютъ плоты и наваливаютъ къ отправкѣ въ Одессу, которая, не взирая на страшную дороговизну дровъ, не успѣла еще привыкнуть къ употребленію каменнаго угля.

Проживя въ Маякахъ нѣсколько дней, я началъ всматриваться въ торговое движеніе. Конечно, невозможно было въ такое короткое время добыть цифръ даже приблизительныхъ, но, сколько можно судить по тому, что я видѣлъ, Маяки доставляютъ Одессѣ огромное количество хлѣба и лѣса.

На пристани идетъ толкотня, особенно ничѣмъ не интересная, но меня занимало тамъ столкновеніе истыхъ малоруссовъ и руснаковъ изъ сѣверной Бессарабіи и Галиціи. Какъ-то вечеромъ, встрѣтивъ знакомаго чумака изъ Полтавской губерніи, я пригласилъ его съ собою проходиться по берегу и, разумѣется, держалъ передъ нимъ въ перспективѣ хорошую выпивку. Чумакъ Сова, тертый калачъ, исходившій югъ Россіи, натыкался въ жизни на многія интересныя приключенія, и потому я всегда бывалъ радъ встрѣтить его и съ нимъ побесѣдовать. Знакомство наше когда-то было очень оригинально, и мы постоянно встрѣчались самымъ дружескимъ образомъ. Сова поручилъ младшему брату напасти хорошенько воловъ, изъявивъ готовность посвятить мнѣ весь вечеръ.

— А знаете что? сказалъ онъ, когда мы смѣшались на пристани съ большою толпою, суетившейся съ нагрузкой и выгрузкой.

— А что?

— Вѣдь вы же говорите, что надо будетъ выпить?

— Непремѣнно.

— Здѣсь—надо вамъ замѣтить—прегнусная водка.

— Я вѣдь въ ней толка не знаю.

— Потому и говорю, что это не при васъ писано. Мы вотъ переправимся на бессарабскую сторону, такъ тамъ и дешевле, и забористѣе.

— Ну, дѣло, да и погулять тамъ просторнѣе.

Очевидно было, что Сова чувствовалъ аппетитъ выпить, и потому я рѣшилъ прежде зайти въ шинокъ и уже послѣ заняться бесѣдой со своимъ стариннымъ знакомымъ. Переправясь на паромѣ, мы завернули въ увеселительное заведеніе, до того полное однако же народа, что Сова предложилъ мнѣ сѣсть на берегу подъ развѣсистымъ деревомъ.

— Вѣдь я знаю, сказалъ онъ:—что пить горѣлки вы не станете, ну, такъ покурите, а я признаться не люблю пить наскоро. Гораздо пріятнѣе пропустить глотокъ другой и балагурить.

Какъ ужъ Сова распорядился, что ему дали посуду, внесъ ли онъ залогъ или пользовался довѣріемъ — не знаю, только онъ вынесъ штофчикъ, рюмку, кусокъ ржаного хлѣба и двѣ соленыхъ рыбы. Мы расположились вблизи цѣлаго общества руснаковъ, которые отъ нечего дѣлать сидѣли и лежали на берегу, покуривая коротенькія трубки. Все это были молодые люди, за исключеніемъ одного смуглаго старика огромнаго роста. Наше присутствіе нисколько ихъ не стѣсняло, а напротивъ небольшой русый парень безъ церемоніи попросилъ у меня папиросу. Пользуясь этимъ случаемъ, я завелъ общій разговоръ, стараясь, чтобъ и мой землякъ принялъ въ немъ участіе. Сова дичился сначала, но, когда я велѣлъ подать ему еще штофъ горѣлки и попотчивалъ новыхъ собесѣдниковъ, когда чумакъ съ наслажденіемъ закурилъ свою богатую корешковую люльку и разлегся со всевозможнымъ комфортомъ, у него появилась словоохотливость и онъ началъ сближаться съ руснаками. Въ первыхъ главахъ я говорилъ уже, что говоръ послѣднихъ чисто малорусскій съ небольшими отмѣнами, и потому какъ тотъ, такъ и другіе свободно вели бесѣду между собою.

Когда мы съ Совой оставили веселое общество и пошли по берегу, по направленію къ мойкѣ какого-то одесскаго купца, чумакъ мнѣ тотчасъ же замѣтилъ, какъ только мы ушли на приличное разстояніе:

— Вишь, бѣсовы молдаване, совсѣмъ говорятъ по нашему.

— Они не молдаване, а руснаки, т. е. такіе же малороссіяне, какъ и мы съ тобою.

— Эге, такія же! А зачѣмъ носятъ *патлы* (длинные волосы)?

— Такая у нихъ поведенція.

— Чортъ знаетъ что такое! Ну, положимъ, патлы ничего, а зачѣмъ все они *розхристы*?

Слово это непереводимое. *Розхристанный* значитъ съ разстегнутымъ воротомъ, что въ Малороссіи считается не только неприличіемъ, но даже грѣхомъ въ нѣкоторомъ родѣ.

Тутъ уже трудно мнѣ было увѣрить Сову, что и въ этомъ обычаѣ не имѣлось ничего дурнаго и что, ходя съ разстегнутой рубашкой, можно быть хорошимъ человѣкомъ.

— Значитъ они катылки (католики)? спросилъ Сова, какъ бы увѣренный впередъ въ положительномъ отвѣтѣ.

— Ничуть не бывало, такіе же православные.

— Не повѣрю, ни за что не повѣрю, православный никогда не *розхристается*, потому что мать учитъ его всѣмъ порядкамъ съ малолѣтства.

— Я же тебѣ говорю, Сова, что они одной вѣры съ нами: я долго жилъ въ ихъ сторонѣ.

— Да, я замѣтилъ—какъ вы *закидали по ихнему*.

То есть говорилъ съ ними по руснацки.

— Я заходилъ у нихъ и въ церкви Богу молиться.

— Ну, и попы читаютъ по нашему?

— Какъ есть по нашему.

— И дьячки поютъ какъ слѣдуетъ?

— Какъ слѣдуетъ.

— Гмъ! никому не повѣрилъ бы. Да какъ же можно ходить розхристою? Это чортъ знаетъ что такое! А есть и у нихъ слова, которыхъ не сразу *уторонаешь* (поймешь)?

— Есть, да немного.

— А можетъ, они *раскольны*, какъ и маяцкіе?

— Нѣтъ, не раскольники. Ну, а маяцкіе какъ же тебѣ кажутся?

— Извѣстно, звѣремъ смотрятъ на нашего брата.

— Однако въ Маякахъ все не то, что въ Знаменкѣ или по сю сторону Елизаветграда, коли бывалъ.

— Какъ не бывать! Конечно, здѣсь куда проще! Хохломъ безмозглымъ назвать назовутъ—по крайней мѣрѣ не лаются (не

ругаются) за каждую малость. Известно, не любят нашего брата за люльку (трубку).

— Да вѣдь чумаки рѣдко заглядываютъ въ хату.

— Оно такъ, а все иной разъ придется. И ты не куришь у нихъ, а вотъ зачѣмъ у тебя табакомъ пахнетъ. Хорошо, что пришлось къ слову. Я хочу спросить васъ — правда ли?

— Что такое?

— Видите ли, въ Злынкѣ прошлымъ лѣтомъ захворалъ у насъ товарищъ и захворалъ не на шутку; Карпо Перерва — если знаете?

— Нѣтъ, не знаю.

— Тотъ самый, что, помните, почти одинъ вытащилъ вашъ фургоны изъ грязи подъ Никоподемъ.

— А! съ длинными усами! Помню.

— Ну, вотъ Карпо расхворался, да и говорить намъ, что ему *не животѣть* (не жить болѣе). Дѣло было къ полудню. Злынка недалеко. Мы остановились на дорогѣ, сняли больного съ воза, положили на *свитъ* (верхней одеждѣ) и думаемъ — послать бы за попомъ, такъ знаемъ, что въ Злынкѣ раскольцы. А тутъ, какъ нарочно, изъ Елизавета (Елизаветграда) проѣзжало нѣсколько злынковцевъ. Одинъ говоритъ намъ, что у нихъ есть старикъ, который лечитъ всякія хворобы (болѣзни). *Помирковавши* (разсудивъ), мы послали за старымъ раскольцемъ. Я и пошелъ просить этого знахаря. Сперва старикъ артачился, какъ, значить, ѣхать въ чумацкій таборъ, гдѣ *голены* (бриты) нетолько бороды, но и чубы и гдѣ каждый непременно *люлешникъ* (трубочникъ); однако я посулилъ ему за труды и онъ согласился. Приѣхалъ онъ, посмотрѣлъ больного, покачалъ головою и говоритъ: »ничего никто не подѣлаетъ — умирать ему на дорогѣ«.

— И неужто Карпо умеръ? спросилъ я, припоминая громадную фигуру Перервы съ необыкновенно длинными усами.

Сова махнулъ рукою.

— Не довели до города, такъ и *поховали* въ степу, на могилѣ. Да, такъ вотъ что я хотѣлъ сказать. Старикъ-расколець бранилъ насъ за *люльки* и говорилъ, что табакъ проклятое зелье. Правда ли это?

— Неправда, Сова, на свѣтѣ нѣтъ ничего проклятаго.

— Ну, нѣтъ. А осика (осина), напримѣръ! Но не въ томъ дѣло. Старый расколець рассказывалъ, что въ раю Господь насадилъ всякаго дерева, всякой травки, а табаку не созда-

валь. На что, говорить, есть ядовитое зелье, какъ дурманъ, болиголовъ и другія — все это было въ раю, окромѣ табаку.

— Гдѣ же онъ взялся?

— Въ томъ и штука. »Одинъ разъ чортъ«, рассказывалъ намъ старикъ, »когда уже люди стали похитрѣе и трудно было добыть для *пекла* (ада) христіанскую душу, сидѣлъ и думалъ—какъ бы ухитриться, чтобъ порадовать самого *пресподеннаго* старшого. Ничего не выдумалъ. Знаете, чорту такъ стало жаль видѣть постоянныя неудачи, что онъ горько заплакалъ«. Должно быть подвыпилъ маленько, прибавилъ чумака, конечно, отъ себя. »Съ тѣмъ діаволъ и ушелъ въ пекло. На другой день ему случилось быть на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ плакалъ, смотреть — на землѣ, гдѣ текли его слезы, зазеленѣла какая-то особенная травка. Чорта это удивило, потому что онъ помнилъ голое, вытоптанное мѣсто. Чортъ полилъ травку. Она черезъ нѣсколько дней поднялась и зацвѣла бѣлыми и розовыми цвѣтками. Чортъ понесъ нѣсколько стебельковъ старшому, а тотъ посмотрѣлъ и говорить, что въ раю такого зелья не было. Взялъ старшой листокъ, свернулъ, понюхалъ, да какъ чихнетъ—въ пеклѣ затряслись стѣны и посыпались кирпичи съ печекъ, въ которыхъ жарятъ и варятъ грѣшниковъ. Послѣ того діаволы тотчасъ же придумали, что дѣлать съ травкою и научили народъ курить ее и нюхать. Все равно«, говорилъ расколець, »нюхаешь ли ты, куришь ли, а непременно оскверняешь душу«.

— Пустяки, любезный Сова, у раскольниковъ есть свои выдумки такъ же, какъ и у нашего брата.

— Я и не знаю — какъ же доброму человѣку обойтись безъ люльки? Вѣдь, если не покурить бы день, кажется, заболѣлъ бы. Да что лучше — вотъ какъ выисповѣдуешься да не покуришь вечеръ, такъ я вамъ скажу — ѣда и питье на умъ не идутъ, а до проклятой люльки такъ вотъ и тянетъ.

— Въ куреньѣ ничего нѣтъ дурнаго, тѣмъ болѣе противозаконнаго, потому что иначе никому бы и курить не позволили.

— Я и самъ такъ думаю.

— А что, Сова, спросилъ я своего собесѣдника: — вѣдь ты часто былъ въ Маякахъ?

— Да почти все лѣто и еще съ весны толкусь между Одессой и Маяками.

— Значить выгодно?

— А такъ себѣ.

— Ну, скажи же мнѣ, ты не замѣчалъ—здѣшніе раскольники по ночамъ не возятъ товаровъ, этакъ втихомолку?

— А чортъ ихъ знаетъ—здѣшніе или нездѣшніе, а всю ночь народъ шатается неизвѣстно куда и откуда; теперь вѣдь въ Одессѣ нѣтъ рогатокъ, заключилъ мой собесѣдникъ:—стало быть и выѣздъ изъ города легче.

Замѣчаніе это навело меня на мысль, что съ уничтоженіемъ порто-франко контрабанда въ Одессѣ не представляетъ уже особой выгоды и что если она еще водится, то уже чисто морская, и потому надо искать ее гдѣ нибудь на лиманѣ.

Чумакъ Сова не могъ сообщить мнѣ объ этомъ никакихъ свѣдѣній, а хозяинъ относился о контрабандѣ весьма уклончиво, напирая на то, что незаконная торговля влечетъ за собою большую отвѣтственность, словно я и не зналъ объ этомъ.

Можетъ быть многимъ покажется страннымъ, что Маяки, стоя недалеко отъ лимана, такъ сказать, въ устьяхъ Днѣстра, не пользуются водянымъ сообщеніемъ съ Одессой, а отправляютъ товары гужемъ, платя въ распутицу огромныя деньги. Мнѣ и самому казалось это не менѣе страннымъ, пока не пришлось побывать на мѣстѣ. Днѣстровскій лиманъ не имѣетъ глубины болѣе 7 футовъ, да и то не вездѣ, а гирла его или проливы, которыми онъ впадаетъ въ море, особенно Стамбульское, довольно глубоки. И вотъ единственная причина, на которую опираются всѣ, кого бы вы ни спросили объ этомъ предметѣ. Но, по моему мнѣнію, главной помѣхой судоходству служить отсутствіе предприимчивости. Вѣдь буксируютъ же изъ Херсона въ Одессу баржи, сидящія мелко, но поднимающія большой грузъ, а переходъ моремъ отъ Очакова до Одессы ничуть не меньше морскаго пути отъ послѣдней до днѣстровскаго лимана. Просто не хотятъ обратить, какъ слѣдуетъ, вниманія и только. И вы не слушайте, что будутъ вамъ рассказывать о неудобствахъ: неудобствъ положительныхъ нѣтъ. Отсутствіе глубины въ настоящее время уже не служитъ препятствіемъ, а если засоряются рукава Днѣстра, которыми онъ вливается въ лиманъ, то для расчистки ихъ не нужно много средствъ. И вы не удивляйтесь, что это встрѣчается подъ Одессой, такимъ, повидимому, коммерческимъ городомъ. Мало ли и въ самой Одессѣ безобразій! Напримѣръ, тамъ, гдѣ принуждены уже дѣлать гранитную мостовую, потому что сотни тысячъ подводъ разбиваютъ обыкновенный

камень, тамъ не могли сдѣлать, отъ складовъ къ пристанямъ, хоть желѣзно-конной, если не паровой, дороги. Въ Одессѣ, гдѣ очень дешевъ (сравнительно) каменный уголь, а дрова доходятъ до сорока и пятидесяти рублей за сажень, тамъ все-таки топятъ дровами на томъ основаніи, что для угля нужно *особенное устройство печей!* Чему же послѣ этого удивляться, если на судоходство по низовьямъ Днѣстра и по лиману смотрѣли какъ на дѣло, требующее нѣкоторыхъ издержекъ, и платили за сухопутную перевозку сумасшедшія цѣны. Теперь уже, впрочемъ, это и бесполезно: съ устройствомъ желѣзной дороги отъ Парканъ до Одессы, что совершится очень скоро, Маяки совершенно утратятъ всякое значеніе. Имъ, правда, останется еще лѣсъ и то больше дровяной, но, вѣроятно, одеситы, хоть черезъ нѣсколько лѣтъ, примутся за уголь или явится какой нибудь предприимчивый человекъ и начнетъ пригонять въ Одессу дрова съ низовьевъ Днѣпра, о чемъ я говорилъ въ 1-й части »Поѣздки«, и тогда Маяки сдѣлаются простымъ береговымъ селеніемъ. Близъ этого мѣстечка есть, впрочемъ, одна достопримѣчательность, которую нельзя пройти молчаніемъ.

Днѣстръ и при устьѣ не оставляетъ своихъ капризныхъ привычекъ и такъ вѣетъ по зеленымъ лугамъ, что, во первыхъ, увеличиваетъ чрезвычайно разстояніе, а, во вторыхъ, извилинами своими мѣшаетъ даже, при вѣтрѣ, поворачиваться судамъ, особенно на первыхъ зигзагахъ. Какъ говорятъ, это и мѣшало въ прежнія времена учрежденію пароходства. Въ Одессѣ вѣдь была когда-то пароходная компанія, которая такъ и исчезла, но суда которой ходили и въ Днѣстръ еще, кажется, при князѣ Воронцовѣ. Извилистое теченіе рѣки при устьяхъ и значительныя мели начали вызывать попытки улучшить какъ нибудь дѣло у нѣкоторыхъ частныхъ людей, понимавшихъ всю важность водянаго сообщенія. Разумѣется, все это ограничивалось предположеніями, которыя, хотя и сообщались куда слѣдовало, однако, не приносили дѣлу ни малѣйшей пользы. Наконецъ явилась энергическая личность и рѣшилась разомъ покончить съ препятствіями, отъ устраненія которыхъ ожидали значительныхъ благопріятныхъ результатовъ. Это былъ купецъ Суровцовъ, человекъ разумный и предприимчивый, изучившій устья Днѣстра и практически знакомый съ его судоходствомъ. Суровцовъ рѣшился прорыть каналъ достаточной глубины и ширины, который далъ бы возможность пройти въ какой нибудь часъ

разстояніе, требовавшее цѣлыя сутки плаванія, и, кромѣ того, избавлялъ бы пловцовъ отъ опасности стать на мель или удариться о берегъ во время крутыхъ и неудобныхъ поворотовъ. Знакомый съ мѣстностью, онъ начертилъ проектъ и явился съ нимъ въ Одессу. Всѣ признали очевидную пользу канала, хотя долго шла переписка, нѣсколько разъ посылались на мѣсто специалисты, но разрѣшеніе однако же послѣдовало, потому что Суровцовъ принималъ на свой счетъ прорытіе канала. Приступая къ дѣлу, Суровцовъ зналъ, что оно долженствовало поглотить весь его капиталъ, и потому предварительно заключилъ условіе съ пароходной компаніей, а также исхлопоталъ постановленіе, въ силу котораго каждое судно, имѣющее слѣдовать по его каналу, должно было вносить извѣстную плату. Суровцовъ объ этомъ выражался такимъ образомъ, какъ рассказываютъ:

»Я жертвую все мое состояніе и назначаю плату для того, чтобъ на старости не пришлось просить милостыню«.

И вотъ, благодаря энергической дѣятельности частнаго человѣка, прекрасный каналъ пониже Маякъ соединилъ извилины Днѣстра и сократилъ путь судоходамъ, кажется, болѣе нежели версть на двадцать. Но не одно сокращеніе плаванія играло въ этомъ дѣлѣ важную роль: суда избавлялись отъ довольно опасныхъ проходовъ, такъ что въ первое время, по рассказамъ стариковъ, самое днѣстровское судоходство по крайней мѣрѣ по низовьямъ, подавало надежду на улучшеніе. Какъ уже это вышло—я не знаю, но Суровцову никто не платилъ никакихъ пошлинъ, о каналѣ его никто не заботился, по которому однако же суда входили въ лиманъ и проходили изъ лимана, и дѣло кончилось тѣмъ, что строитель разорился въ конецъ и пошелъ по міру. Говорятъ, что на первыхъ порахъ неудачи онъ, по русскому обычаю, запилъ... Но не въ томъ суть—а какимъ образомъ могла выйти подобная исторія? Конечно, вѣдь Суровцовъ, какъ разумный человѣкъ, не могъ же бросать значительнаго для него капитала на вѣтеръ, не рассчитывая на выгоды или не предвидя общественной пользы. Значить же его чѣмъ-нибудь обнадежили. Вообще это грустная и темная исторія, которой мнѣ никто не могъ рассказать порядкомъ, но каналъ Суровцова и по настоящее время существуетъ подъ этимъ названіемъ.

По лѣвой сторонѣ лимана есть нѣмецкая колонія, ниже большое селеніе, Калаглея, и, наконецъ, на одесско-измаиль-

скомъ трактѣ—заштатный городокъ Херсонской губерніи, Овидіополь, названіемъ своимъ сбивающій многихъ съ толка. Кто не коротко знакомъ съ древней исторіей, а слыхалъ или читывалъ, что знаменитый Овидій былъ сосланъ изъ Рима въ ссылку къ берегамъ Чернаго моря, тотъ вполне убѣжденъ, что поэтъ страдалъ по родинѣ именно на томъ мѣстѣ днѣстровскаго лимана, гдѣ торчитъ несчастный городишко, названный Овидіополемъ. Отчего это городъ, а не село—я не знаю, да и врядъ ли кто можетъ объяснить, а, между тѣмъ, кому удавалось проѣзжать изъ Одессы въ Аккерманъ, тотъ непременно, достигнувъ Овидіополя, задавалъ себѣ вопросы: да что же это за городъ за такой? чѣмъ онъ похожъ на городъ? и, наконецъ, можетъ ли онъ хоть черезъ пятьдесятъ—сто лѣтъ сдѣлаться городомъ? Жители его бѣдны, занимаются кое-какъ рыболовствомъ да промышляютъ »дубками« (небольшими лодками), пользуясь выгодами отъ тѣхъ только пассажировъ, которые не хотятъ ѣхать на пароходѣ или опоздаютъ къ паровой переправѣ. Между Овидіополемъ и Аккерманомъ ходитъ пароходъ черноморской компаниіи и, совершая нѣскольکو рейсовъ въ день, успѣваетъ удовлетворять потребностямъ всѣхъ пассажировъ.

Въ Овидіополѣ проживаетъ много вольныхъ матросовъ, и они-то преимущественно занимаютъ переправой. Тамъ у меня изъ нихъ есть два пріятеля, оба безрукіе, раненые подъ Севастополемъ, и съ однимъ изъ нихъ, Симаковымъ, я чуть не погибъ въ лиманѣ. Я очень хорошо помню этотъ переѣздъ, и хоть мнѣ случалось не разъ и не по одному ходить морю, встрѣчать бури и непогоды во время зимняго плаванія изъ Крыма въ Одессу, но никогда мысль о гибели не представлялась въ такой ужасающей полнотѣ, какъ на днѣпровскомъ лиманѣ. Въ этой мѣстности я прожилъ довольно долго и еще въ первое время словно предчувствовалъ, что при окончаніи командировки мнѣ не придется осмотрѣть всего какъ слѣдуетъ. Въ какой-то праздникъ возвращался я изъ Одессы въ Аккерманъ и возвращался налегкѣ, рассчитывая поспѣть на свою квартиру къ обѣду. Овидіопольскіе матросы знали меня очень хорошо и, когда я подѣзжалъ къ пристани, окружили меня по обычаю. Я не имѣлъ еще тогда офиціальнаго порученія заняться ихъ дѣломъ, однако самъ собиралъ необходимыя свѣдѣнія и выражалъ надежда, что служба ихъ не останется безъ вознагражденія. Народа на пристани было довольно въ ожиданіи парохода, который дымился, однако,

еще у аккерманской пристани и долженъ былъ не раньше, какъ черезъ часъ, придти къ Овидіюполю.

— А что, Александръ Степановичъ, отозвался Симаковъ: — вѣтерокъ попутный, парохода вамъ ожидать долго — угодно, мигомъ переѣду на ту сторону?

— Дѣло, любезный другъ, а можетъ быть найдутся еще охотники?

— Да хоть и не найдутся, я съ вами торговаться не буду.

— Зачѣмъ же и тебѣ терять, впрочемъ, если никого не будетъ, я заплачу одинъ за переправу.

Симаковъ побѣждалъ хлопотать, нѣсколько матросовъ вызвались намъ сопутствовать, но безрукій владѣлецъ лодки сказалъ, что и самъ управится, и похвасталъ въ полчаса домчаться до Аккермана. Разница въ цѣнѣ была не очень большая, и мнѣ не столько доставляла удовольствія надежда выиграть какой нибудь часъ времени, сколько мысль дать заработокъ бѣдному Симакову.

Лодчонка была снаряжена мигомъ, и мы отвалили, поставивъ фокъ и гротъ—оборванные, впрочемъ, и дрянные парусишки, которые однако же наполнились какъ слѣдуетъ, и дубокъ побѣждалъ довольно быстро при боковомъ вѣтрѣ. Экипажъ состоялъ изъ самого хозяина, сидѣвшаго на рулѣ, да парнишки лѣтъ четырнадцати, обязанностью котораго было наблюдать за шкотами и исполнять всякую команду, а пассажиры,—я, мой мальчикъ-слуга и еще двѣ какія-то женщины, упросившія перевезти ихъ бесплатно. Лиманъ лежалъ почти спокойно, особенно у лѣваго берега, и только немного дальше показались небольшія волны. Накренившись немного, дубокъ, словно крылатая чайка, летѣлъ прямо на аккерманскую крѣпость, которая издали представляется необыкновенно грозной. Мы отошли такимъ образомъ не болѣе версты, а тамъ бѣгъ нашъ началъ уменьшаться постепенно, и скоро паруса, какъ говорится, »заполоскали«. Напрасно Симаковъ посвистывалъ для приманки вѣтра, мы должны были убрать паруса и приниматься за весла.

— Скверная исторія, сказалъ я.—Напрасно не взялъ ты матросовъ, а теперь грести и некому.

— Становитесь вы на руль, А. С—чъ, а я погребу съ парнишкой.

— Да какъ же одною рукою?

— Ничего, я и одною справлюсь, все равно что двумя.

Помѣстясь на кормѣ и не имѣя впереди парусовъ, я началъ озирать окрестность. Съ моря спереди и сзади небо было совершенно чисто, но съ правой стороны изъ-за лимана показался уголь тучи, необыкновенно подозрительной наружности. Я указалъ на нее Симакову.

— Какъ ты думаешь? спросилъ я.

— Чтожь, туча скверная — будетъ шкваль, только еще не скоро.

— Да вѣдь мы не дошли и до половины!

— Скоро и половина. Да вы не беспокойтесь. Пройдемъ немного на веслахъ, а тамъ непременно встрѣтитъ насъ вѣтерокъ, поставимъ паруса и мигомъ будемъ въ Аккерманъ.

Мы продолжали идти на веслахъ. Черезъ полчаса мимо насъ прошумѣлъ пароходъ, ведя на буксирѣ двѣ или три баржи, уставленные повозками, и, попавъ на струю, бѣгущую отъ колесъ, дубокъ нашъ закачался, что послужило предметомъ для остротъ моему мальчику и парнишкѣ-лодочнику. Между тѣмъ туча быстро выходила на горизонтъ и край ея словно дымился, отдѣляя бѣловатые струйки. Въ глубинѣ тучи грохоталъ громъ, и по временамъ зигзаги молніи перерѣзывали ее пополамъ, но блескъ ихъ казался слабымъ при свѣтѣ солнца. Въ воздухѣ однако же сдѣлалось свѣжо, и лиманъ на всемъ пространствѣ направо подернулся изсинячернымъ отливомъ. Вѣтра еще не было, но волны, откуда-то взявшіяся, начали слабо ударять въ правый бортъ, что означало, по свидѣтельству Симакова, вступленіе наше на фарватеръ. Не успѣли мы отплыть сажень пятьдесятъ, какъ надвинулась туча всею своею массою и мгновенно поднялся свѣжій порывистый вѣтерокъ. Зрѣлище было великолѣпное: половина Аккермана, еще озаренная солнцемъ, бѣлѣлась передъ нами, лиманъ, словно покрытый вороненною броней, волновался на всемъ пространствѣ, а полгоризонта было охвачено синей тучей, которая клубами неслась надъ головою, по временамъ вся въ блескахъ молніи и какъ бы наполненная постояннымъ глухимъ громовымъ гуломъ. Дубокъ нашъ начало бросать какъ скорлупу, и такъ какъ волненіе приходилось въ правый бортъ, то насъ и кренило постоянно въ лѣвую сторону.

— Не держать ли на перерѣзъ? спросилъ я Симакова.

— Нѣтъ ужъ, А. С—чь, держите попрежнему, авось перебѣжитъ полоса.

Но полоса не перебѣгала, вѣтеръ усиливался и волненіе расходилось будто на морѣ. Конечно, мы должны были дер-

жаться на веслахъ, но волны, вырастая съ изумительною быстротою, грозили захлеснуть насъ. Двѣ пассажирки подняли ужаснѣйшій вой, я тоже трухнулъ порядкомъ, да и Симаковъ на первыхъ порахъ растерялся. Положеніе наше было тѣмъ печальнѣе, что мы находились по срединѣ лимана и хоть глубина вездѣ незначительная, тѣмъ не менѣе въ случаѣ катастрофы пришлось бы держаться на водѣ очень долго, потому что до берега достигнуть не представлялось возможности. Волны, которыя побойчѣе, начали по временамъ обдавать насъ не только что брызгами, а просто водою. Вѣтеръ между тѣмъ перешелъ въ штормъ, и порывы его со свистомъ и какимъ-то язвительнымъ гуломъ приносились къ морю. Дубокъ началъ подпрыгивать. Я все еще сидѣлъ на рулѣ, Симаковъ все еще при содѣйствіи помощника усиливался подвигаться впередъ на веслахъ. Наконецъ безрукій матросъ бросилъ весло, снялъ шапку и перекрестился.

— Нѣтъ, А. С—чъ, сказалъ онъ: — дѣло плохо!

— А что?

— Долго такъ не продержимся, насъ непременно захлещетъ волною. Смотрите — какія вздымаются горы!

— Какъ же быть-то? Тебѣ, какъ моряку, лучше знать — что дѣлать.

— Да я и думаю пуститься на отчай: все равно вѣдь, если погибать, то погибнемъ.

Хотя подобный отвѣтъ представлялъ мало утѣшенія, однако я изъявилъ согласіе на все и обѣщаль помогать сколько силъ хватить.

— Ну, благослови Господи! проворчалъ Симаковъ и бросилъ якорь.

— Что же это? спросилъ я, не понимая въ чемъ дѣло.

— Больше ничего, какъ поставимъ парусъ.

Удержанный на одномъ мѣстѣ, дубокъ мигомъ сталъ носомъ къ вѣтру, и насъ начало подбрасывать. Но Симаковъ уже работалъ со своимъ парнишкой, поднимая фокъ, который вертѣло вѣтромъ во всѣ стороны. Закрѣпивъ шкоты, безрукій матросъ бросился на руль, я съ мальчикомъ подняли якорь, лодка дрогнула, сильно накренилась, почти черная лѣвымъ бортомъ, и мы понеслись наискосокъ, спускаясь пониже Аккермана.

— Даль бы Богъ еще версты двѣ благополучно, а тамъ попадемъ на тиховодъ, говорилъ Симаковъ: — а вы, бабы, лучше молитесь Богу, чѣмъ выть, обратился онъ къ пассажиркамъ, причитавшимъ разнообразныя жалобы.

Я боялся только одного, чтобы старенькій дырявый фокъ не сдѣлался жертвою вѣтра, особенно когда онъ затрещалъ въ одномъ мѣстѣ и въ немъ образовалась порядочная дыра, возлѣ которой бился большой лоскутъ парусины. Огромныя, будто морскія, волны ходили по лиману, съ гребнями, по которымъ разсыпалась жемчужная пѣна. Гроза грохотала безпрерывно, каждую секунду сверкала ослѣпительная молнія и недалеко низвергался ливень съ ужасающими потоками. Этихъ нѣсколькихъ минутъ я передать не въ состояніи. Вотъ-вотъ захлестнетъ, вотъ разорвется парусъ... Но дубокъ летѣлъ съ необыкновенною быстротою. Между тѣмъ дождь полилъ какъ изъ ведра, все потемнѣло и аккерманскій берегъ, который виднѣлся довольно явственно, едва мелькалъ, какъ сквозь сѣтку.

— Наша взяла! раздалось вдругъ на кормѣ.

— Что? какъ?

— Видите, волны меньше. Значитъ берегъ недалекъ.

Дѣйствительно волненіе значительно уменьшилось, вѣтеръ утихъ немного и дубокъ не упражнялся болѣе въ акробатическомъ искусствѣ, а бѣжалъ довольно плавно. Черезъ нѣсколько минутъ мы уже были у берега, спустившись далеко ниже пристани, къ которой однако же подтянулись, хотя и довольно медленно. Правда, на мнѣ не было сухой нитки, даже въ сапогахъ было полно воды, однако я ужъ не думалъ объ этихъ неудобствахъ, избавясь отъ недавней опасности... Ошвартовивъ свой дубокъ и получивъ, кромѣ платы, на водку, Симакъ выразился, что грустно было бы погибать въ дрянномъ лиманѣ, тѣмъ болѣе, что трудно держаться на водѣ съ одною рукою. А все глупость, прибавилъ онъ: — возьми я двухъ матросовъ—мы бы управились въ этой, »прости Господи, калюжѣ« (лужѣ).

Аккерманъ—уѣздный городъ Бессарабской области, довольно многолюдный и чрезвычайно разбросанный. Нѣсколько еще лѣтъ назадъ до освобожденія крестьянъ его можно было назвать желаннымъ Эльдorado для крѣпостныхъ и вообще для разнаго безпаспортнаго люда. И доселѣ еще по югу Россіи слово аккерманскій мѣщанинъ имѣетъ свое особенное значеніе. Какой-то статистикъ, кажется, одинъ изъ нѣмцевъ, обратилъ вниманіе на особенное долголѣтіе жителей Бессарабіи и преимущественно Аккермана, пустившись, разумѣется, въ разсужденіе о причинахъ, обусловливающихъ подобное явленіе. Но такое долголѣтіе существуетъ только на бумагѣ, а въ

дѣйствительности люди въ Аккерманѣ живутъ столько же, сколько и въ другихъ мѣстностяхъ, и средняя жизнь, я увѣренъ, не выше въ немъ, какъ и въ цѣлой Бессарабской области. Дѣло въ томъ, что аккерманскіе мѣщане, разумѣется, въ прежніе годы, не только были долголѣтны, а просто никогда не умирали. По случаю огромнаго наплыва безпаспортныхъ и бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ въ Аккерманѣ установилась особеннаго рода торговля: умиралъ, положимъ, мѣщанинъ Иванъ Ивановъ, его, конечно, хоронятъ, но имя его принималъ выходецъ изъ Полтавской губерніи и числился уже Иваномъ Ивановымъ, и если умиралъ въ свою очередь, то все-таки являлись кандидаты на его званіе, имя и фамилію. Въ 1856 г. я еще видѣлъ въ Аккерманѣ парня лѣтъ двадцати пяти, сыну котораго было лѣтъ гораздо за сорокъ. Я познакомился съ Аккерманомъ еще въ то время, когда принадлежалъ намъ Измаиль и часть Бессарабіи, уступленная по парижскому миру, и городъ этотъ кипѣлъ народомъ. Коренное населеніе его состоитъ изъ русскихъ выходцевъ многихъ губерній, а потомъ уже слѣдуютъ молдаване, армяне, болгары, греки, сербы, цыгане и евреи.

Аккерманъ по турецки значитъ то, что по гречески Аспро-Кастронъ, по молдавски Четати альба, а по русски бѣлый городъ. Раскинутъ онъ на крутомъ берегу Днѣстра и если не можетъ похвалиться красивыми зданіями новѣйшей архитектуры, то старинная крѣпость его, развалины турецкой бани и лабиринтъ стараго города, состоящій изъ мазанокъ, могутъ нѣсколько часовъ занять любознательнаго путешественника.

Крѣпость съ очень глубокимъ рвомъ, выложеннымъ камнемъ, и съ высокими стѣнами, стоитъ на утесѣ, надъ самой стремниной, и восточной стороной своей спускается къ лиману, который постоянно шумитъ прибоемъ о гранитныя плиты. Это повтореніе того же, что мы видѣли въ Хотинѣ и Бендерахъ, только въ болѣе величественномъ видѣ. Всѣ наружныя стѣны и башни турецкой постройки и, войдя въ ворота, вы еще можете видѣть небольшой минаретъ, который сохранился, хотя уже тутъ стоятъ нѣсколько домиковъ позднѣйшей постройки, въ которыхъ помѣщалась администрація крѣпости. Здѣсь ничего нѣтъ любопытнаго. Но интересна цитадель, строенная генуэзцами, составляющая квадратъ, обставленный громадными башнями. Тамъ же и грубый домикъ, въ которомъ жилъ паша, губернаторъ цѣлой области. Цита-

дель, когда я осматривалъ ее, была завалена разными военными складами. Время сильно испортило эту старинную твердыню. Переходы между башнями не безопасны, но я, пользуясь знаніемъ мѣстности моего спутника, покойнаго Ар — ва, пробирался по всѣмъ стѣнамъ и заглядывалъ въ страшный колодезь казней. Такъ, по словамъ Ар — ва, называлась одна изъ башень, въ глубинѣ которой были набиты острые колья. Сверху башни бросали туда жертву — и она, пробитая остріями, мучилась по нѣсколько сутокъ. Но видъ съ вершины цитадели чрезвычайно живописный. Передъ вами лиманъ, кажущійся безконечнымъ влѣво и вправо, и только синѣть противоположный берегъ, а назади — съ одной стороны сплошные виноградники, а съ другой волнуется степь, тянущаяся далеко въ глубину южной Бессарабіи. Передать этого словами нельзя, и я удивляюсь — отчего до сихъ поръ никто не срисовалъ ни оригинальной крѣпости, ни видовъ Аккермана.

Недалеко надъ лиманомъ, гдѣ устроено нѣчто вродѣ бульвара, сохранились развалины старинной турецкой бани, въ которыя можно еще входить и видѣть довольно грубыя фрески на стѣнахъ и по обрушеннымъ сводамъ.

Изъ всѣхъ путешественниковъ, посѣтившихъ Аккерманъ, подробнѣе всѣхъ описываетъ его І. Крашевскій, и, пробѣжавъ его описаніе 1843 г. почти черезъ двадцать лѣтъ, я не нашелъ въ городѣ большой перемѣны, исключая того, что нѣтъ уже множества тѣхъ лицъ, которыя служили ему проводниками.

Изъ древностей замѣчательны греческая и армянская церкви. Греческая стоитъ почти на берегу Днѣстра, довольно бѣдная. Вокругъ нея разбросаны могильные камни, а пониже цѣлое старинное кладбище. Тамъ же построена небольшая часовня, на томъ мѣстѣ, гдѣ турки замучили св. Іоанна Сочавскаго. Мученикъ этотъ, родомъ изъ Трапезонда, погибъ въ 1442 г., а мощи его покоятся въ Сочавѣ. На стѣнахъ неискусною кистью изображены нѣкоторые моменты изъ жизни мученика.

Возлѣ греческой церкви, именно на паперти, меня поразило одно явленіе: на могильной плитѣ сидѣлъ высокій старикъ, въ синемъ кафтанѣ, безъ шапки, стриженный по великорусски, и разговаривалъ съ нѣсколькими горожанами, которые по случаю тѣсноты не могли пройти въ церковь. Кажется, если не ошибаюсь, у грековъ былъ храмовой праздникъ. Толпа возлѣ старика увеличивалась, и многіе подсмѣи-

вались. Старикъ чертилъ что-то палочкой на землѣ и все говорилъ, что пойдетъ къ самому императору. Иногда онъ вскакивалъ съ камня, выпрямлялся во весь ростъ и дико поводилъ глазами. Видимо, что онъ былъ помѣшанъ.

— Кто это? спросилъ я у безрукаго матроса, сопровождавшаго меня по Аккерману.

— Старикъ Суровцовъ, который строилъ каналъ въ Маякахъ.

Вечеромъ я видѣлъ этого старика у переправы, какъ, держа въ одной рукѣ шанку, а другой прищелкивая, должно быть, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, онъ пускался въ присядку при смѣхѣ толпившагося народа. Суровцова нерѣдко видятъ въ Аккерманѣ, Овидіюполѣ и Одессѣ.

Армянская церковь гораздо древнѣе — въ старой турецкой части города. Это просто небольшой домикъ съ крестомъ, опустившійся въ землю. Въ ней и возлѣ есть плиты съ армянскими надписями, но священникъ отговаривался перевести мнѣ надпись незнаніемъ древняго языка, что было и съ г. Крашевскимъ. Внутренность церкви и теперь, какъ во времена Крашевскаго, устлана была ковриками и подушками и сохранила камни съ древними надписями, вокругъ которыхъ разбросаны символическія изображенія: пальмъ, рыбъ, птицъ, колець.

Но, несмотря на бѣдную наружность, армянская церковь въ лабиринтѣ стараго города оставила во мнѣ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Маленькій дворикъ ея, устланный бѣлыми камнями съ надписями, засаженъ множествомъ деревьевъ и цвѣтовъ, и такъ какъ онъ лежитъ гораздо ниже уровня улицы, то и представляетъ какой-то цвѣтущій островокъ среди извилистыхъ грязныхъ закоулковъ.

Аккерманъ, кромѣ части примыкающей къ торговой площади и двухъ—трехъ новѣйшихъ улицъ, состоитъ изъ виноградниковъ, которые тянутся далеко по окрестности. Это главное мѣсто выдѣлки бессарабскихъ винъ извѣстныхъ въ торговлѣ подъ именемъ аккерманскихъ. Не имѣетъ садика развѣ самый убогій домовладѣлецъ. Я жилъ послѣдній разъ у отставнаго казачьяго офицера, у котораго садъ среди города. Система, принятая здѣсь, относительно ухода за виноградомъ — срѣзывать лозы и не давать кусту расти вверхъ. Г. Крашевскій въ своемъ описаніи жалѣетъ объ этомъ, полагая, что къ такой мѣрѣ винодѣлы прибѣгаютъ, вѣроятно, за неимѣніемъ лѣса на подпорки или изъ необходимости закутывать лозы

теплѣе на зиму. Почтенный путешественникъ увѣряетъ, что было бы выгоднѣе оставлять лозы въ естественномъ видѣ — тогда онѣ давали бы обильнѣе жатву. Но г. Крашевскій ошибается: именно срѣзываніе лозъ и доставляетъ большую выгоду, т. е., если кусты даютъ меньшее количество винограда, то качество его несравненно лучше и, наконецъ, самый плодъ несравненно крупнѣе. Вѣроятно почтенный путешественникъ не посѣщалъ колоніи Шабы, гдѣ бы онъ увидѣлъ улучшенное винодѣліе и гдѣ швейцарцы, обрѣзывая свои лозы, получаютъ съ инаго куста около тридцати фунтовъ отличнаго винограда.

Почти на другомъ концѣ города, надъ Днѣстромъ, разведенъ недурной, хоть и маленькій, городской садъ, гдѣ по вечерамъ гуляетъ аккерманское общество. Впрочемъ, посѣтители являются въ немъ преимущественно, когда играетъ военная музыка. Тутъ же рядомъ построены большія казармы, въ которыхъ, кажется, постоянно квартируютъ стрѣлковые батальоны.

По дорогѣ къ этому саду отъ центра города, по широкой улицѣ, не помню названія — да и есть ли полно у нея названіе — стоитъ необыкновенно странный домъ не домъ, не то магазинъ или нѣчто непохожее ни на то, ни на другое. Много мнѣ стоило хлопотъ добиться толка относительно этого зданія, потому что обязательный А — въ умеръ послѣ перваго же моего посѣщенія Аккермана и я уже не могъ найти себѣ такого усерднаго спутника. Это оказались восточныя бани, построенныя однимъ армяниномъ ко времени бывшаго здѣсь дипломатическаго съѣзда въ первой четверти настоящаго столѣтія. Старикъ-хозяинъ, очень богатый человекъ, былъ еще живъ, но дряхлъ въ высшей степени и сдѣлавшійся настоящимъ Плюшкинымъ. Послѣ долгихъ переговоровъ черезъ разныхъ посредниковъ армянинъ рѣшился наконецъ показать мнѣ бани, заключивъ предварительно съ моимъ парламентомъ условіе, что отъ него не потребуютъ никакого угощенія. Долго мы стучались у воротъ, за которыми сердито лаяли собаки, пока послышался удушливый кашель и хозяинъ явился къ нашимъ услугамъ. Несмотря на жаръ, онъ былъ въ мѣховомъ старомъ халатѣ, которымъ онъ хотя и запахивался, однако не такъ плотно, чтобъ нельзя было видѣть тонкихъ, исхудалыхъ ногъ, обутыхъ одна въ сапогъ, другая въ истоптанную туфлю. Старикъ былъ не очень словоохотливъ и спѣтанный туплю. Старикъ былъ не очень словоохотливъ и спѣшилъ поскорѣе отдѣлаться отъ гостя. Безъ предисловія онъ

повель меня по странному зданію, заваленному хламомъ, набрасываемымъ въ теченіе полувѣка. Окна были забиты, и только сквозь щели я могъ видѣть кое-что, но на всемъ лежали такіе слои пыли, что съ трудомъ разсмотрѣлъ я каменные бассейны. По всему можно судить, что бани выстроены и хорошо, и богато, однако хозяинъ, прикидывавшійся глухимъ, не могъ дать рѣшительно никакихъ объясненій. Онъ сперва отзывался плохимъ знаніемъ русскаго языка, а когда я заговорилъ съ нимъ по турецки, онъ улыбнулся и показалъ на свое ухо. Такимъ образомъ осмотръ мой восточныхъ бань не привелъ ни къ какому результату, а второй разъ на мою попытку старикъ отвѣтилъ положительнымъ отказомъ.

Интереснѣе всего въ Аккерманѣ — базары, на которые съѣзжается людъ изъ дальнихъ окрестностей. Много бываетъ молдаванъ, но много и малоруссовъ, которые привозятъ разныя сельскія произведенія и послѣ торговли наводняютъ близлежащія погребки и вообще всѣ питейныя заведенія. Не знаю какъ теперь, но въ мое время, особенно въ 1858 г., по вечерамъ въ Аккерманѣ ходить было не безопасно, потому что шаталось тамъ многое множество различнаго сброда. Всѣ мошенники на одесскихъ базарахъ — а ихъ тамъ немало — по увѣренію туземцевъ были аккерманскаго происхожденія. И дѣйствительно подъ вечеръ въ Аккерманѣ очень часто попадались полуньяные ребята съ фізіономіями, мало внушавшими довѣрія. Одно время я жилъ у армянина, имѣющаго домъ на базарѣ, который каждый вечеръ наблюдалъ, чтобы у меня въ комнатѣ ставни оконъ были заперты желѣзными болтами, и на вопросъ мой — зачѣмъ такія предосторожности — отвѣтилъ, что въ Аккерманѣ иначе невозможно. Дѣйствительно у моего слуги среди бѣла дня нѣсколько молодцовъ сняли верхнее платье, отняли часы и ушли бы безнаказанно, но имъ еще захотѣлось освидѣтельствовать его карманы, а въ это время на его крикъ вышла изъ шинка толпа деревенскихъ жителей. Кое-какъ вещи были возвращены, но грабители успѣли скрыться.

Лучшій домъ въ Аккерманѣ, по моему мнѣнію, принадлежитъ г. Гангардту, бывшему тогда атаманомъ новороссійскаго казачьяго войска, по кишиневской дорогѣ. Хотя резиденція атамана находится въ Николаевской станицѣ, верстъ, кажется, за тридцать или за сорокъ, однако въ Аккерманѣ я видѣлъ казаковъ, въ числѣ которыхъ много цыганъ, и въ крѣпости былъ какой-то складъ ихъ.

Хотя Аккерманъ и пользуется далеко извѣстностью относительно винодѣлія, однако, надо сказать правду, вино его чрезвычайно плохаго качества, а настоящее производство находится въ пяти верстахъ, въ швейцарской колоніи, Шабѣ.

Отъ самаго города до колоніи пѣшая дорога идетъ по берегу лимана сплошными садами и виноградниками. Верстахъ въ двухъ между густыми деревьями, подъ скалой, стоитъ часовенька, надъ прозрачнымъ и прохладнымъ родникомъ, что по малорусски называется »криница«. Не это ли тотъ ключъ, о которомъ Крашевскій рассказываетъ поэтическую легенду, о которой я напрасно пытался узнавать въ Аккерманѣ и Шабѣ? Мѣстность превосходная, а холодная вода показалась мнѣ необыкновеннаго вкуса, потому что каждый разъ я пилъ изъ этого родника во время пѣшаго путешествія изъ Аккермана въ колонію или обратно. Въ часовенькѣ стоитъ икона, а возлѣ живетъ старикъ-инвалидъ, т. е. козуетъ подъ скалами въ качествѣ сторожа и рѣшительно не знаетъ никакихъ преданій.

Можетъ быть покажется страннымъ, но я не могу не сказать, что, для меня по крайней мѣрѣ, колонія Шаба гораздо лучше Аккермана; за одну ея улицу, обстроенную красивыми домиками, усаженную громадными бѣлыми акаціями, а далѣе утонувшую въ садахъ, наполненныхъ цвѣтами—я не взялъ бы цѣлаго уѣзднаго городка съ его уродливыми строениями и жалкими провинціальными затѣями.

Колонія эта состоитъ изъ швейцарцевъ — на половину французовъ, на половину нѣмцевъ, а рядомъ съ нею поселилось нѣсколько десятковъ малорусскихъ семействъ, которыя однако-жъ ничего хорошаго не заняли отъ иностранцевъ. Я жилъ въ домѣ одного изъ значительныхъ колонистовъ, Тардана, принадлежащаго къ семейству извѣстнѣйшихъ винодѣловъ. Собственно мой хозяинъ занимался другимъ дѣломъ — купилъ землю въ части Бессарабіи, отошедшей къ Молдавіи, и весь былъ преданъ овцеводству и хлѣбопашеству, но посредствомъ его я познакомился съ лучшими винодѣлами изъ его родственниковъ и знакомыхъ. Всѣ эти семейства, у которыхъ я такъ пріятно проводилъ время, принимали меня необыкновенно радушно, и вся молодежь безъ исключенія—уже люди болѣе или менѣе образованные. Находилъ я у нихъ и французскіе журналы, и книги и не разъ по вечерамъ слушалъ новые романсы подъ аккомпаниментъ фортепіано.

Въ небольшой шабской лютеранской церкви постоянно бы-

ваетъ двѣ обѣдни: одинъ и тотъ же пасторъ служить сперва по французски, а потомъ по нѣмецки.

У одного изъ братьевъ Тардановъ осматривалъ я сады, прессы и огромные наполненные винами погреба и отвѣдывалъ многія вина, которыя могутъ смѣло выдержать соперничество съ иными заграничными. Чего же лучше? Въ нѣкоторыхъ одесскихъ гостинницахъ эти вина съ иностранными этикетками идутъ за привозныя и не какія нибудь, а въ два, въ три рубля серебромъ за бутылку. У Тардана есть бочки десятилѣтнихъ и болѣе винъ, которыя держатся не для продажи; такимъ виномъ не стыдно бы угостить какого угодно знатока и любителя. Крымскія вина, по моему мнѣнію, далеко уступаютъ бессарабскимъ, собственно приготовляемымъ въ Шабѣ. Тарданы непрерывно улучшаютъ лозы, ѣздятъ за границу и не отстаютъ отъ современнаго состоянія винодѣлія. Я убѣжденъ, что, еслибъ ближайшія мѣстности знали о шабскихъ винахъ, они бросили бы разную мерзость, которую привозятъ изъ-за границы подъ именемъ винъ дешевыхъ (разумѣется, сравнительно), и охотно пили бы бессарабское вино, стоящее значительно дешевле. Крымскія вина еще доходятъ до Москвы и Петербурга, а бессарабскихъ я нигдѣ на сѣверѣ не видѣлъ, развѣ уже подъ другимъ названіемъ.

Посѣщалъ я садъ и вмѣстѣ хорошенькую ферму г. Коре, кажется, капитана швейцарской службы. У него тоже прекрасные сорта винограда и отличное вино, вродѣ тардановскаго.

Главными похитителями винограда, противъ которыхъ колониеты принимаютъ мѣры, оказываются — кто бы вы думали? — собаки. Животныя эти, которыхъ въ обыкновенное время, кажется, и немного, къ осени, къ собранію винограда, собираются цѣлыми стаями и, пользуясь тѣмъ, что лозы обрѣзаны очень низко, пожираютъ самыя лучшія грозди. Рвы и заборы собакѣ не помѣха, и потому сторожа должны бодрствовать постоянно и нѣкоторые изъ нихъ вооружены ружьями и нерѣдко угощаютъ похитителей мелкой дробью. Подъ вечеръ вокругъ Шабы происходитъ иногда усиленная канонада.

Въ 1859 г. я былъ свидѣтелемъ громаднѣйшаго переселенія саранчи изъ Херсонской губерніи черезъ лиманъ въ Бессарабію. Это было въ іюнѣ. Саранча зародилась между Одессой и Овидіюполемъ и, опустошивъ всѣ поля и всякую зелень на большое пространство, инстинктивно бросилась на тучныя

бессарабскія пажити. Насѣкомое не имѣло еще крыльевъ и, подойдя къ лиману огромнѣйшими массами, сгруппировалось на берегу цѣлыми движущимися холмами. Прибрежная зелень почти безплодной почвы недолго могла прокормить такое несмѣтное количество — и вотъ саранча ринулась въ лиманъ, не дождавшись попутнаго вѣтра. Милліоны насѣкомыхъ, затонувшихъ въ водѣ, послужили плотомъ для милліардовъ другихъ, и флотилія тихо поплыла на другую сторону. Бессарабскія власти знали объ этомъ и приготовились на своемъ берегу встрѣтить незваныхъ гостей: запаслись соломой для костровъ и разставили людей съ лопатками и граблями отъ Шабы до самаго взморья. Но вѣтеръ перемѣнился, подулъ вдоль лимана, и всю саранчу понесло въ морѣ. Дня черезъ два, когда вѣтеръ подулъ отъ Одессы, цѣлыя горы затонувшей саранчи были выброшены волнами вдоль бессарабскаго берега. Ее сочли мертвою и, что называется, не тронули пальцемъ. Но каково же было удивленіе, когда саранча, полежавъ на солнцѣ, обогрѣлась и расползлась по прибрежнымъ камышамъ! Оттуда она, разумѣется, сдѣлала нашествіе на Бессарабію. Я ѣхалъ черезъ пространство, занятое пѣшею саранчею, между Овидію-полемъ и Одессой. Она шла, не измѣняя направленія ни передъ какой преградой, слоемъ въ четверть толщины. Въ селеніи Акержѣ она перелѣзала черезъ заборы, черезъ избы даже.

Надъ лиманомъ, пониже Шабы, есть еще небольшая нѣмецкая колонія на землѣ помѣщика Арсеньева, и тамъ же, ко взморью, покойный Арсеньевъ, въ одномъ озерѣ, началъ выдѣлку соли, и предпріятіе пошло очень успѣшно, но съ его смертію, не знаю, продолжается ли это дѣло. Одинъ грекъ изъ Одессы нашель предпріятіе выгоднымъ и, кажется, заключилъ контрактъ съ наслѣдниками Арсеньева, но о дальнѣйшихъ результатахъ мнѣ ничего неизвѣстно.

За Шабалатомъ недалеко лиманъ вливается въ Черное море двумя рукавами или гирлами — константинопольскимъ (Бугасомъ) и очаковскимъ. Между этими проливами тянется песчаная пересыпь, на которой кое-гдѣ торчатъ деревья, зеленѣетъ тростникъ и порою носятся огромныя стада куликовъ, чаекъ, дикихъ гусей и утокъ. Вообще виды здѣсь пустынные, и только вдали на морѣ бѣлѣютъ паруса кораблей да порой стелется длинная полоса дыма отъ пароходовъ совершающихъ рейсы между Одессой и Дунаемъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Поѣздка по Днѣстру.

	Стр.
ГЛАВА I. Днѣстръ. Населеніе. Руснаки. Языкъ. Ругательства. Костюмъ. Первое знакомство съ контрабандистами. Избы. Сельскій бытъ. Евреи. Положеніе бессарабскаго крестьянина. Обычай	1
ГЛАВА II. Селеніе Ануты. Граница. Обмѣнъ произведеній. Ржавинцы. Сцена изъ дѣтскаго быта. Замѣчательная мѣстность. Народный музей. Перебійковцы. Пограничные нравы. Лѣса. Рухотинъ. Столѣтній старикъ. Древнее укрѣпленіе. Побережье до Хотина	42
ГЛАВА III. Хотинъ. Взглядъ на городъ. Янкель. Контрабандисты. Ярмарка. Нищіе. Безъязыкій. Мѣстная торговля. Сцена въ гостиномъ дворѣ. Концертъ. Вводъ во владѣніе. Переправа. Рыболовство	78
ГЛАВА IV. Днѣстръ. Жванецъ. Историческія свѣдѣнія. Мошинецъ. Вечеръ у поссесора. Контрабанда. Посѣщеніе незнакомаго еврея. Нагоряны. Преданіе о Тоболтокѣ. Бузовица. Богатая невѣста. Молодые парни. Комарово. Преданіе о Бальбинѣ. Поѣздка въ Студеницу. Древности. Встрѣча съ богомольцами. Сцена на утесѣ. .	117
ГЛАВА V. Замѣчательная гора. Ѣзда руснаковъ. Молодава. Квартира. Сцена на томъ берегу. Пѣвица. Поѣздка въ Старую Ушицу. Хозяинъ. Тысяцкій. Мельницы. Разсказъ. Базаръ. Ловкій еврей. Ломачинцы. Пещеры. Еврейская колонія. Калюсъ. Бѣлоусовка. Сокиряны. Наславче. Лядова. Старинная церковь. Путь до Могилева.	158
ГЛАВА VI. Могилевъ. Переправа. Въѣздъ въ городъ. Факторы. Заѣздные дома. Торговцы. Евреи. Семейство Р... Фитильщики. Базаръ. Торговки, ихъ нравы и обычай. Миротлюбивый полицейскій. Армяне. Ремесленники. Портные. Разсказъ женскаго портнаго. Виноградники. Красавица. Послѣдній пунктъ контрабанды.	201

- ГЛАВА VII. Мѣстечко Атаки. Молдаване. Ихъ языкъ. Нравы и
обычай. Танцы. Миролюбіе. Опрятность. Бытъ крестья-
нъ. Монастырскіе царане. Разговоръ съ царнемъ.
Школы. Понятіе объ этомъ нѣкоторыхъ. Поѣздка
въ монастырь. 256
- ГЛАВА VIII. Краснога мѣстоположенія. Неисправность новороссій-
скаго календаря. Базаръ. Сцены. Евреи. Отношенія
ихъ къ туземцамъ. Проводникъ. Аріанешты. Памят-
никъ Жолкѣвскому. Кременчукъ. Бесѣда у корчмы.
Косоуцы. Лодманъ. Порогъ. Встрѣча съ евреемъ . . 281
- ГЛАВА IX. Городъ Сороки. Постоялые двory. Торговля. Населеніе.
Табачный промыселъ. Нѣсколько замѣтокъ о табач-
ной торговлѣ. Поперечная улица. Приѣздъ раввина
и его проводы. Встрѣча со знакомымъ. Пещера.
Жабкинскій монастырь. Мѣстечко Рашковъ. Рыбо-
ловство. Мѣстечко Резина. Поѣздка въ резешамъ.
Бытъ ихъ. Знакомства 316
- ГЛАВА X. Дубоссары. Свѣдѣнія изъ путешествія Нѣмцевича. На-
ши пути сообщенія. Вольные матросы. Ходатайство
мое объ этомъ сословіи у Е. И. В. Генераль-Адми-
рала. Поѣздка по этому случаю. Григоріополь. Его
обитатели. Чичероне. Городничій. Пожаръ. Дѣйствіе
пожарной команды. Бендеры. Возница. Шведскій ла-
геръ. Могила Мазепы. Пребываніе Карла XII въ
Бендерахъ. Осада королевской резиденціи 349
- ГЛАВА XI. Парканы. Болгары. Образъ жизни. Пчельникъ. Скан-
далъ. Тирасполь. Долина Днѣстра. Виноградники.
Маяки. Торговля. Старообрядцы. Чумакъ Сова. Раз-
сказъ его о табакѣ. Овидіополь. Переправа черезъ ли-
манъ на дубкѣ. Штормъ. Аккерманъ. Мѣщане. Дрез-
ности. Суровцовъ. Баня. Шаба. Колонисты. Выводѣ-
ліе. Саранча. Шабалать 390